

ФРАНЦУЗЫ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОДЕССЫ. 1803–1822 гг.

У аббата Лабдана было немало знаменитых воспитанников. В свое время он служил наставником юного Армана Эммануэля дю Плесси де Ришелье, позднее ему было вверено воспитание герцога Энгийенского и Леопольда Бурбонского. Узнав об убийстве герцога Энгийенского, несчастный старик сошел с ума. Ришелье, назначенный в начале 1803 г. градоначальником Одессы, перевез к себе аббата, прожившего в доме «дюка» до своей смерти в 1808 г.¹

Трогательное отношение 37-летнего воспитанника к аббату – не только дань уважения к сломленному невзгодами старику и свидетельство превосходных личных качеств герцога. Ришелье вообще был очень чувствителен ко всему, что касалось воспитания и образования. В Новороссийском крае, генерал-губернатором которого он стал в марте 1805 г., и его истинной столице – юной Одессе – он надеялся создать институты, с помощью которых можно было цивилизовать (*civiliser* – выражение Ришелье) вверенные ему провинции. Важнейшими из них Ришелье полагал образовательные учреждения, в коих на протяжении первых двух десятилетий истории Одессы сохранялось заметное преобладание иностранцев, прежде всего – французов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся архивные документы и фактический материал, содержащийся в работах XIX – начала XX в. по региональной истории, которые легли в основу данной статьи.

От частного образования к государственному

По сведениям, приведенным Н.И. Ленцем – автором специального исследования, посвященного изучаемой проблематике, – первой школой в городе, основанном в 1794 г. на месте турецкой крепости Хаджибей, было училище коллежского асессора Врето, открытое 1 де-

---

* Елена Викторовна Полевщикова, кандидат исторических наук, заведующая отделом редкой книги и рукописей Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

¹ *Rochechouart, comte de*. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. P., 1933. P. 137.

кабря 1800 г. и просуществовавшее три года². Домашним воспитанием занимались немногочисленные гувернеры, в том числе и французы, о которых сохранились скорее легендарные свидетельства. Так, историк Одессы и Новороссии А.А. Скальковский вспоминал одного из таких французских учителей: «У бедняги-роялиста, вследствие довольно высокой платы за уроки, скопился порядочный капитал, давший возможность вдове его построить потом прекрасный двухэтажный дом»³.

Еще до приезда Ришелье в Одессу здесь обосновались эмигранты-иезуиты, в 1802 г. открывшие приходскую школу при римско-католической церкви. Французский эмигрант Вольсей (Wolsey) основал в городе частный пансион⁴. Он же был назначен и первым директором учрежденной в 1804 г. коммерческой гимназии в Одессе⁵. По мнению современного исследователя А.О. Добролюбского, в коммерческой гимназии Ришелье видел зародыш четырехступенчатой системы образования, предусмотренной реформами Александра I в начале XIX в.: приходские и уездные училища, гимназии, университет⁶. В Государственном архиве Одесской области сохранился «Послужной список о службе Директора Одесской коммерческой гимназии» за 1810 г. Из него следует, что «Петр Петров сын Вольсей» 44 лет, из «дворян французских», обучался в Страсбурге и Париже в коллегии всем преподаваемым в оных наукам, после чего «определен в Страсбургский инженерный корпус кадетом, напоследок выехал в Россию»⁷.

Коммерческая гимназия в Одессе так и не заработала в полную силу, так как Вольсей заботился о процветании собственного пансиона в ущерб интересам гимназии. Ришелье, взявший под свое покровительство пансион Вольсея⁸, также мало способствовал успехам коммерческой гимназии: его гораздо больше привлекала идея частно-

² *Лец Н.И.* Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей. 1804–1817. Одесса, 1903. С. 28.

³ Цит. по: *Лец Н.И.* Указ. соч. С. 27 (прим.).

⁴ Там же. С. 29..

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 28. № 21266.

⁶ *Добролюбский А.* Из истории педагогического университета // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. Одесса, 2004. Кн. 18. С. 8. Годичное приходское и двухгодичное уездное училища образовали специальное отделение коммерческой гимназии.

⁷ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 44. Оп. 1. № 15 (1804–1817). Л. 2 об–3.

⁸ Красноречиво название этого воспитательного учреждения, под которым оно фигурирует в официальных документах: «Пенсион, установленный в городе Одессе под непосредственным покровительством Военного Губернатора Екатеринославского, Херсонского и Таврического Дюка де Ришелье, и под смотрением Одесской гимназии Директора». – См. «Подробное описание пенсияна...» // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. Стб. 53–58.

го аристократического учебного заведения. Вскоре после прибытия в Одессу Ришелье писал Александру I: «Никакой город поблизости не расположен удачнее Одессы для организации там коллежа. <...> Я думаю, что коллеж, содержащийся иезуитами наподобие того, который недавно был учрежден в Петербурге, но с менее высокой оплатой был бы чрезвычайно полезен»⁹. Герцог имел в виду, конечно, пансион своего старинного друга аббата Николя, основанный в русской столице для детей знати бывшим воспитателем в семье графа Шуазеля-Гуфье и быстро завоевавший высокую репутацию. Сам же Доминик-Шарль Николь был, по словам Л. Пенго, «мэтром и образцом колонии воспитателей» в России¹⁰.

В конце 1804 г. Ришелье докладывал министру внутренних дел В.П. Кочубею об отсутствии в Одессе учебного заведения, необходимого как для иностранцев, которые недавно обосновались здесь, так и для местных жителей. Герцог выражал надежду, что вскоре это «неоценимое благо» будет предоставлено городу. По его замыслу пансион следовало присоединить к гимназии¹¹. И, действительно, в 1805 г. в Одессе появились Благородный институт и Институт благородных девиц. Институт подчинялся непосредственно Ришелье и «был предметом особенных его забот и попечений»¹². По ходатайству градоначальника указом от 12 марта 1808 г. Благородному институту в Одессе были дарованы привилегии, имевшиеся лишь в аристократических учебных заведениях России: его выпускники получали офицерский чин после трехмесячной службы¹³. В 1812 г. число учащихся в Благородном институте составило 113 человек, а в Институте благородных девиц – 67¹⁴.

Первым директором Благородного института стал Вольсей. Значительную часть преподавателей и в коммерческой гимназии, и в Благородном институте составляли иностранцы: выходцы из Италии, Турции, германских земель и Франции. Приведем сведения, сохранившиеся в архивных документах о французах, занимавшихся преподаванием. Французскому языку обучал Антон Иванович Гальяр (Antoine Gaillard). Из его послужного списка, составленного 30 июня 1810 г.,

⁹ Цит. по: *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 31-32 (пер. с франц. яз.).

¹⁰ *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France, 1700–1900. P., 1886. P. 234.

¹¹ Archives nationales. 395/AP/2. Papiers Saint-Priest.

¹² *Смольянинов К.Н.* История Одессы. Одесса, 1853. С. 139; *Waresquiel E. de.* Le duc de Richelieu, 1766-1822: Un sentimental en politique. P., 1990. P. 132.

¹³ *Frappaz Z.*, chanoine. Vie de l'abbé Nicolle. P., 1857. P. 115; *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 49, 95; *Скальковский А.А.* Указ. соч. С. 7.

¹⁴ *Скальковский А.А.* Указ. соч. С. 14; Одесская государственная научная библиотека (ОГНБ) им. Горького. Отдел редких книг и рукописей. Ф. 62/6. № 864. Л. 16 об.–132.

следует, что «Антон Иванов сын Галиар», из французских дворян, имея среди предков секретаря суда парламента Дижона, в Бургундии, «возведенного в дворянство Людовиком XI во время пребывания короля в этом городе в 1489 или 1490 г.», родился в 1744 г. в городе Сален (совр. Сален-ле-Бен), там же изучал латынь. В Безансоне он штудировал философию и физику, после чего слушал в Париже лекции аббата Молье. На протяжении восьми последующих лет Гальяр путешествовал по «коммерческим делам». В 1774 г. женился в Лилле на дочери королевского казначея, а затем вместе с семьей переехал ко двору герцогини Мекленбургской, ставшей крестной матерью одного из его детей, о чем свидетельствует документ, находящийся в канцелярии племянницы герцогини – императрицы Марии Федоровны. Прибыв в Россию в 1782 г., Гальяр преподавал французскую грамматику в Московском университете, а затем – риторику в университетском пансионе¹⁵. В Одессе 61-летний француз появился в начале 1805 г. Он ходатайствовал также о разрешении завести пансион под управлением своей жены, который был открыт в феврале 1808 г., но не пользовался большим успехом.

Увольнению Гальяра от службы предшествовал неприятный инцидент, нашедший отражение в донесении Одесской городской полиции. Приведем сочувственный комментарий к этому документу Н.И. Ленца, обычно не проявлявшего симпатии к преподавателям-иностранцам: «Интересно, что Гальяру, 70-летнему старику, за причиненные ему же обиды каким-то комиссаром и регистратором, пришлось быть арестованным на две недели. Как же было не заболеть бедному старику при таком посрамлении! <...>Конечно, в связи с этим печальным инцидентом явилось и прошение Гальяра об отставке “за старостию и слабостию”»¹⁶.

После Гальяра французский язык в Благородном институте преподавали также Филипп Женелли или Женелье (Genelly, Génellier), Жозеф или Иосиф Иосифович Рибодо (Ribodot), Жак Фабер Шабаннер или Шабан (Chabannner, Chaban) из Невшателя, Антуан или Антон Петрович Шабер (Chabert)¹⁷. В Благородном институте мы вновь встречаем иезуитов-миссионеров: римско-католического священника Матье Молилари (Molinari) и некоего иезуита - они преподавали Закон Божий до приезда в Одессу протопресвитера Общества Иисуса Эрверанжа де Витри (Erverange de

¹⁵ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 15. Л. 12 об.–13.

¹⁶ Ленц Н.И. Указ. соч. С. 261–262.

¹⁷ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 19 (1804–1817). Л. 35; № 31 (1804–1817). Л. 3.

Vitry), бывшего командора Мальтийского ордена и его казначея. С 1811 г. де Витри обосновался в Одессе и поддерживал близкие отношения с Ришелье¹⁸. Уроженец Марселя Гаспар-Бонаventura-Тимофей Ферри (Ferri) был ранее преподавателем физики в коллеже Лиможа. В 1805–1809 гг. он обучал учащихся Одесской коммерческой гимназии математике, физике и французской литературе, а в пансионе Вольсея преподавал математику и географию¹⁹. Французами, по-видимому, были и упомянутые Н.И. Ленцем «иностранцы», находившиеся в штате Одесского благородного института: учителя танцев Ламбуле и Воланж, и фехтования – Габриэль и Дюпон (Dupont)²⁰.

Кандидатура первого директора Института оказалась неудачной: хвастливый и корыстолюбивый Вольсей, по свидетельству адъютанта Ришелье графа Рошешуара, со временем стал «невыносим». Герцог был вынужден признать это в письме от 20 сентября 1810 г.: «Его (Вольсея. – Е.П.) участь, судя по всему, решена. Вот человек безучастный настолько, что, набив дукатами карманы, хочет не только уехать, но и разорить заведение, которое могло составить его славу»²¹. 21 февраля 1811 г. Вольсей был уволен министром народного просвещения.

В Институте имелся и пансион для молодых девиц, открытый под началом супруги Вольсея. После отъезда последнего Институт благородных девиц возглавляла русская образованная дама – «мадам Поцци» (по другим источникам – де Подзис). После ее смерти в 1812 г. руководство перешло к «очень суровой демуазель» – Эмили де Майе (Maueux)²², а с 12 марта 1817 г. – к французской эмигрантке графине Генриетте де Фонтене (Fontenay). «Старая абатесса», как называли графиню ее воспитанницы, возглавила и образованную в 1817 г. общественную школу для девочек²³.

В 1811 г. по ходатайству Ришелье перед князем А.Н. Голицыным, обер-прокурором Святейшего синода и главноуправляющим иностранными исповеданиями, визитатором католических церквей

¹⁸ *Ленц Н.И.* Указ. соч.. С. 342–343. О деятельности де Витри в России см.: *Морошкин М.* Иезуиты в России. СПб., 1870. Ч. 2: Обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I. С. 412.

¹⁹ *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 348, 378.

²⁰ Там же. С. 343, 347, 352, 364.

²¹ Цит. по: *Rochecouart, Louis-Victor-Léon, comte de.* Op.cit. P. 142; См. также: *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 40–41.

²² Как вспоминала одна из воспитанниц Института, «злая Майе» «была бич для института»: она «обманывала герцога (Ришелье – Е.П.)», мучила девочек голодом и «была сирот, богатых же не смела». – См.: Записки Анастасии Дмитриевны Ризо // Из прошлого Одессы. Сб. ст. / Сост. Л.М. де-Рибасом. Одесса, 1894. С. 306–312.

²³ ПСЗ. Т. 34. № 27053.

Новороссии был назначен Доминик-Шарль Николь²⁴. Ришелье рассчитывал, что аббату, пережившему обвинения в прозелитизме за время своей педагогической деятельности в столицах, будет легче работать на юге империи, во вверенных ему, Ришелье, губерниях.

Французы в Ришельевском лицее

Однако для осуществления замыслов Ришелье и Николя ситуация складывалась не совсем благоприятно. После образования в 1804 г. Харьковского университета учебные заведения Одессы, как и всего Новороссийского края, попали в юрисдикцию Харьковского учебного округа. Контроль со стороны этого учреждения претил Ришелье, и между губернатором и чиновниками округа начались трения. Для их разрешения в Одессу дважды – в 1812 и 1814 гг. – направляли профессора Харьковского университета Антона Антоновича Дегурова (Antoine Jeudy-Dugour), французского эмигранта, преуспевшего в России «на ниве народного просвещения»²⁵. Его представления об устройстве образовательных учреждений были демократичнее, чем у Ришелье, но он не смог переубедить своего влиятельного соотечественника.

Весной 1814 г. Ришелье сообщил Дегурову, что поручил Николю разработать «общий план образования», исходивший из необходимости «соединить публичную гимназию с институтом таким образом, чтобы одно заведение поддерживало другое и чтобы бедные люди могли воспользоваться наставлениями хороших преподавателей, которых мы посредством денег богатых людей, в институте воспитываемых, можем привлечь сюда»²⁶. Замысел Ришелье и Николя состоял в том, чтобы перевести Институт под покровительство государства и придать ему статус государственного учреждения.

Вскоре аббат Николь подготовил положение о Благородном институте, которое было опубликовано на русском и французском языках. Брошюра под названием «Начертание правил воспитания в обоих одесских благородных институтах» (*Plan d'Education pour les deux Instituts nobles d'Odessa*, Одесса, 1814) считается первой книгой, напечатанной в одесской типографии²⁷.

²⁴ В биографии аббата Николя его приезд в Одессу относят к 1812 г. См.: *Юрченко П.О., Яковлев В. А.* Аббат Николь и первые годы Ришельевского Лицея // Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сборник издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Ч. 1. Одесса, 1898. С. 18.

²⁵ А.А. Дегуров (Дюгуров) был главным фигурантом скандальной истории, связанной с изгнанием из Харьковского университета профессора Й. Шада. – См. Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харків, 2004. С. 75.

²⁶ *Скальковский А.А.* Материалы для истории общественного образования в Одессе. Одесса, 1867. С. 16-17 Пер. с франц. цит. по: *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 125.

²⁷ До 1814 г. владельцем типографии был кавалер Россет (Россетти), друг Ришелье, крестившего его дочь, знаменитую красавицу и подругу А.С. Пушкина О.И. Смирнову-Россет.

Проект Ришелье и Николая был осуществлен уже после возвращения герцога в 1814 г. во Францию при его преемнике на постах градоначальника Одессы и Новороссийского генерал-губернатора, графе А.Ф. Ланжероне. 2 мая 1817 г. появился высочайший указ об образовании лицея в Одессе, который, по замыслу Ришелье, должен был «послужить образцом учебного заведения и со временем изменить облик Южной России»²⁸. Его первым директором стал аббат Николь, изложивший принципы воспитания и программы лицея в брошюре, напечатанной в том же 1817 г. в Париже²⁹. В докладе министра народного просвещения была сформулирована цель образования нового учебного заведения, тогда же получившего «название Ришельевский лицей, по имени Дюка де Ришелье» – «заменить собою ныне существующие в Одессе коммерческую гимназию, уездное и приходское училища и Воспитательный институт»³⁰.

При открытии лицея 7 января 1818 г. граф Ланжерон произнес торжественную речь на французском языке, за которой последовали выступления на французском, русском, греческом, латинском и итальянском языках. Первоначальный состав преподавателей и других служащих лицея был многонациональным и включал русских, французов, поляков, немцев, выходцев из австрийских земель, а также еврея, итальянца и грека.

Заместителем директора лицея был надворный советник Реми (Реми Акинфиевич) Жилле (Gillet)³¹. В начале XIX в. он был воспитателем сына тамбовского помещика Загряжского, а затем провел несколько лет в качестве гувернера детей графа Д.П. Бутурлина³². Осенью 1810 г. Жилле стал профессором Харьковского университета, но

²⁸ Сборник русского исторического общества. Т. 54. С. 521; ПСЗ. Т. 34. № 26827.

²⁹ Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé par un ukaze de S. M. L'Empereur de toutes les Russies, en date du 2 mai 1817. P., 1817. Издание включало проекты лицейских помещений, разработанные знаменитым французским архитектором О. Р. де Монферраном и оставшиеся, к сожалению, на бумаге

³⁰ Образование и Устав Ришельевского лицея, в Одессе. СПб., 1818. С. 2. § 1 лицейского устава гласил: «Гимназия и Институт, учрежденные в Одессе, отныне будут составлять одно учебное заведение, под названием Ришельевский Лицей». – Там же. С. 13.

³¹ Жилле известен также под именем Петра Ивановича. Обстоятельства этого переименования изложены в замечательных воспоминаниях его воспитанника – М. Д. Бутурлина, посвятившего немало теплых строк своему гувернеру. См.: *Бутурлин М. Д.* Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. № 1–2; 1898. № 1–3.

³² Известны слова Жилле, сказанные им в доме Бутурлиных о юном А.С.Пушкине. Они приведены в записках М.Н. Макарова, вспоминавшего, как «живший у Бутурлиных ученый-француз Жиле дружески пожал Пушкину руку и, оборотясь ко мне, сказал: “Чудное дитя! как он рано все начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет”. Жиле хорошо разгадал будущее Пушкина; но его “дай Бог” не дало большой жизни Александру Сергеевичу». – *Макаров М.Н.* Александр Сергеевич Пушкин в детстве // Жизнь Пушкина рассказанная им самим и его современниками. Т. 1. М., 1988. С. 101–102.

уже в начале 1811 г. был определен в Лесной департамент. Во время кампаний 1812–1814 г. он служил в русской армии, участвовал в битвах при Дрездене, Магдебурге (за проявленную храбрость в этом сражении был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени), Гамбурге³³. В Одессу Жилле приехал в 1817 г. и был назначен профессором французской словесности и истории в Ришельевском лицее, а также заместителем Николя³⁴.

Среди французов были и «одесские старожилы», и новоиспеченные «одесситы». Аббат Филипп Буавен (Boisvin) в 1817–1820 гг. служил профессором французской грамматики, географии и преподавателем римско-католического Закона Божия. В последнем качестве его сменил аббат Рафлиш, выполнявший эти функции в 1821–1827 гг. Репутация Буавена была весьма сомнительна, а фамилия аббата давала повод для каламбуров в связи с его пристрастиями: говорили, что он «не Буало, ни по познаниям, ни по манере утолять жажду»³⁵.

Николя (Николай Фомич) Нодо (Naudot) оказался в России после службы в 1791–1798 гг. в армии принца Конде. В Ришельевском лицее он стал адъюнктом французской грамматики и всеобщей географии. Швейцарец Жан Лоран (Laurent) после учебы в Лозаннской академии поступил на русскую службу в 1811 г. В лицее он был сначала гувернером и адъюнктом, а затем профессором французской литературы и всеобщей истории.

Жан-Батист Буш (Bouche), бывший учитель танцев в театре Марсея, обучал своему искусству воспитанников лицея с 1820 г., а Жозеф Рибодо (Ribadot) и уроженец Корфу Андре Пеллетье (Pelletier), бывший унтер-офицер, прибывший в Россию в 1819 г., обучали фехтованию³⁶.

В лицее было немало гувернеров-французов: парижанин Луи-Делире Ле Бутелье (Le Bouteiller), Ксавье Бозар (Beauxart), Жак Лельевр (Lelievre), уроженцы Бовэ Маржерен (Margerin)³⁷ и Луи Гиллианд (Guilliand), а позднее – Александр Вору (Vougou), Ноэль Перион (Périor), Жозеф Бэр (Baer) и другие³⁸.

³³ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 38 (1821). Л. 3об.–4.

³⁴ Подробную биографию Р. Жиле см.: *Маркевич А.* Реми Жилле (второй директор Ришельевского лицея) // Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет. Сб. издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Ч. 1. Одесса, 1898. С. 71–80.

³⁵ *Скальковский А.А.* Шестьдесят лет одесской общественной жизни (1794–1854). – ОГНБ им. Горького. Ф. 62/6. № 864. С. 13 об.; *Ленц Н.И.* Указ. соч. С. 27 (прим.). Игра слов на противопоставлении значений французского написания фамилий Буавена (bois vin – пью вино) и поэта-классика Буало (bois l'eau – пью воду).

³⁶ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 2 (1828, учебная часть). Л. 393 об.–394.

³⁷ В архивных документах на русском языке Маржерен именуется Шарлем, а в документах, написанных на французском языке, он фигурирует под именем Жана Мари Луи (Jean Marie Louis).

³⁸ Там же. № 26 (1829). Л. 48–49, 74–75; № 11. Л. 4; № 1. Л. 27, 75–76; № 1 (1820). Л. 15, 25; № 43. Л. 51.

Квалифицированных кадров в лицее не хватало, и аббат Николь отправился во Францию, где летом–осенью 1817 г. «вербовал» преподавателей для лицея³⁹. Он едва не уговорил переехать в Одессу Шарля Нодье, который, впрочем, предпочел службу в библиотеке Арсенала преподаванию политической экономии «в Татарию»⁴⁰.

Для занятия должности профессора французской словесности и всеобщей истории ожидался приезд «французской нации Бретонского уроженца Пребеана». Летом 1819 г. Николь хлопотал о высылке ему 1200 франков на путевые издержки. По прибытии в Одессу Пребеан должен был отправиться в Харьковский университет «на надлежащие испытания»⁴¹. В последующих документах фонда Ришельевского лицея это имя не встречается.

Среди принявших приглашение Николая был уроженец Гавра Огюст-Анри (Генрих Петрович) Виард (Viard), 1780 г. р. Ему, «капитану французской службы инженерного корпуса, ныне от службы той уволенному [...] и кавалеру Почетного легиона», было предложено занять кафедру математики и физики, а также военных наук⁴². 3 марта 1818 г. Виард был избран профессором математики, физики и военных наук (утверждение его состоялось 17 мая 1819 г.) и оставался в этой должности до 3 августа 1826 г. 23 апреля 1827 г. он был «уволен вовсе из службы по Ришельевскому лицее», а 23 августа 1828 г. ему было дозволено «возвратиться в свое Отечество».

13 марта 1820 г. вышел указ об изгнании иезуитов из страны, и аббат Николь навсегда покинул Россию. В марте 1820 г. Ришелье писал своему другу В.П. Кочубею: «Итак, аббат Николь уезжает. Признаюсь вам, что я этим огорчен, поскольку думаю, что крах лицея неизбежен. Г-н Жилле, который служит весьма исправно, не продержится там дольше, и заведение, которое я считал самым полезным, призванным повлиять на цивилизацию этих мест, несомненно, потерпит крах»⁴³.

Мрачные прогнозы Ришелье отчасти сбылись. Р. Жилле действительно директорствовал недолго (1820–1821) и был уволен из-за финансовых неприятностей, в результате которых с него была взыска-

³⁹ Для того, чтобы совершить этот вояж, аббату Николу пришлось продать собственную библиотеку «хорошо подобранную и замечательную красотой представленных в ней трудов». См.: *Frappaz, chanoine Z.* Op.cit. P. 117.

⁴⁰ *Frappaz, chanoine Z.* Op.cit. P. 117-118; *Waresquiel, E. de.* Op. cit. P. 134.

⁴¹ ГАОО, Ф. 4. Оп. 1. № 28 (хоз.часть, 1818). Л. 59 об.-60 об.

⁴² Там же. Ф. 44. Оп. 1. № 4 (1818). Л. 100.

⁴³ *Полевщикова Е.В.* «Мы здесь в гуще битвы против анархии...» (политическая жизнь эпохи реставрации в письмах А. Э. Ришелье В. П. Кочубею) // ФЕ. 2003 М., 2003. С. 180.

на сумма в 56874 рубля 21 копейка⁴⁴. По утверждению А. Маркевича, это случилось не по вине француза⁴⁵. Не упускавший случая покалამбурировать Ланжерон так отозвался на это происшествие в одном из писем: «Вы не представляете себе, мой дорогой Рибопьер, подобную роскошь в одежде: еще никогда за плохой жилет не платили столь дорого»⁴⁶. После отъезда Николя несколько преподавателей и надзирателей французского происхождения (Буавен, Ле Бутелье, Маржерен, Рибодо, Лелъевр) уволились из лицея и также оставили Одессу. Что же касается общих перспектив этого учебного заведения, то Ришелье, к счастью, ошибся: лицей просуществовал еще более 40 лет, а в 1865 г. был преобразован в Новороссийский (ныне Одесский) университет.

Сотрудничество или соперничество?

К сожалению, у нас нет сведений о том, как уживались друг с другом выходцы из разных стран в стенах первых учебных заведений Одессы. Очевидно, здесь не было места склокам и громким скандалам, сопровождавшим первые годы существования Харьковского университета⁴⁷. Тому несколько причин, и, прежде всего непререкаемый авторитет Ришелье, который не только возглавлял Попечительский совет Одесского благородного института, но и непосредственно курировал всю его деятельность. Положение соотечественников влиятельного губернатора, пользовавшегося расположением императора, было в городе довольно прочным. Штат гимназии и института был немногочисленным, а его интернациональный состав вполне отвечал духу космополитизма, пропитывавшего весь уклад одесской жизни в первые десятилетия истории города. К тому же среди преподавателей в Благородном институте практически отсутствовали «местные специалисты».

Ситуация, однако, постепенно менялась. Не успел Ришельевский лицей начать работу, как обнаружились разногласия между начальниками и подчиненными; разгорелась и конкуренция между мест-

⁴⁴ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 28 (1818). Л. 181; № 11. Л. 3. К сожалению, архивные дела за 1823-1824 гг., связанные с расследованием обстоятельств «употребления» Жилле 150 тыс. рублей, ассигнованных Херсонской казенной палатой, в результате чего было описано его имение, не сохранились. Общее представление о ситуации дают лишь названия дел по описи (см. ГАОО. Ф. 4. Оп. 4. №№ 38-42, 83).

⁴⁵ Маркевич А. Указ. соч. С. 76. Педагогическая карьера Р. Жилле впоследствии благополучно продолжилась: в 1829-1842 гг. он был профессором Петербургского педагогического института, одновременно (1830-1841) преподавал французскую словесность в Императорском Царскосельском лицее и был отмечен за долгие годы службы многочисленными наградами. – Там же. С. 77–79.

⁴⁶ Российский государственный исторический архив. Ф. 1040. Оп. 2. № 126. Л. 22, 24 (пер. цитаты с франц.яз.).

⁴⁷ См. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна... С. 49–50.

ными и иностранными преподавателями, между теми, кто уже работал в учебных заведениях Одессы, и теми, кого пригласил директор в ходе своей поездки на родину: «местные кадры» отреагировали на прибытие «рекрутов» весьма болезненно. Предпочтение, отдаваемое иностранцам, более не воспринималось как должное: среди соискателей на место профессора или адъюнкта в Ришельевском лицее в первые годы его существования были кандидаты и магистры Московского (Мальчевский, П.Н. Протопопов, П.В. Архангельский, Н.Д. Курляндцев) и Харьковского (И.И. Дудрович, И.Ф. Гриневиц, А.К. Бабичев, И.Д. Жаданов, Н.С. Черемисинов) университетов, а с конца 1820-х гг. – и других учебных заведений Российской империи: Санкт-Петербургского, Дерптского, Казанского и Абовского университетов, Санкт-Петербургского педагогического института и университета Св. Владимира в Киеве. В списках лицейских преподавателей за 1830–1840-е гг. фигурируют также доктора, кандидаты и магистры Геттингенского, Иенского, Берлинского и Пестского университетов⁴⁸.

В фонде Ришельевского лицея сохранилась жалоба кандидата Харьковского университета И.Д. Жаданова на директора от 12 января 1818 г., направленная попечителю Харьковского учебного округа З.Я. Карнееву, в которой Жаданов просил оказать покровительство соотечественникам. Он напоминал, что был учителем физики, математики и коммерческих наук в Одесской коммерческой гимназии⁴⁹ и преподавал математику в Благородном институте. Вполне естественно, что он рассчитывал и на соответствующее место в Ришельевском лицее, которое было ему обещано. Однако Николь отказал ему по той причине, что «выписывает из Парижа одного французского офицера для наставления воспитанников лицея в математике и физике» (то есть вышеупомянутого Виарда). Обиженный Жаданов отклонил предложение своего начальника «навсегда преподавать коммерческие науки» и не без пафоса заявил: «Особенная склонность моя к математике и физике, в знании которых я имел честь получить достоинство кандидата, также долговременное упражнение, четырехлетнее преподавание и соединенные с сими науками в лицее выгоды обещают мне гораздо больше чести и пользы. Бог открыл мне случай сделать значительный шаг в жизни своей, отечество и труды мои дали на то право, но случай и право отнимутся у меня для иностранца»⁵⁰.

⁴⁸ См. *Михневич И.Г.* Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 г. по 1857 год. Одесса, 1857. С. 70–97.

⁴⁹ С 4 июня 1814 по 10 июля 1815 г. И.Д. Жаданов исправлял должность директора гимназии. – *Михневич И.Г.* Указ. соч. С. 64.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 4 (1818). Л. 51, 54.

З.Я. Карнеев распорядился разобраться в неприятной ситуации и велел Николю «объявить г. Жаданову, чтобы он довольствовался тою должностию, какая от вас ему в лицее предназначается, не выходя отнюдь из должного вам повиновения»⁵¹. В ответ Николь сообщает, что доволен Жадановым, каковой отличается и обширными познаниями, и прекрасным поведением, но «единственный попрек, который я могу ему сделать, состоит в патриотизме, вышедшем из границ, который не позволяет ему шадить иностранцев и понуждает его забывать, что сии иностранцы столько же может быть привязаны к России, как и он»⁵².

Из переписки Николя с З.Я. Карнеевым следует, что не только И.Д. Жаданов был недоволен сложившейся в лицее ситуацией, отчего возникли «беспорядки»⁵³. Такой вывод о положении в Ришельевском лицее сделал попечитель учебного округа, получив в марте 1818 г. прошения «от некоторых адъюнктов» лицея и напомнив им о необходимости оказать Николю «должное и неперменное» повиновение. В ответ директор лицея рапортовал, что зачитал указания Карнеева адъюнктам, заподозренным в недовольстве. Среди них он называет бывшего учителя Одесской коммерческой гимназии И.Н. Калиновского, утвержденного в должности адъюнкта лицея 24 декабря 1817 г.⁵⁴ Из дальнейшего изложения Николя можно сделать вывод, что он предполагал перевести Калиновского в звании адъюнкта в другой класс, как только состоится ожидаемый приезд «одного русского», обучавшегося «Ланкастеровой методе на коште графа Воронцова» и совершенствовавшегося в применении практики взаимного обучения в Мобеже⁵⁵. Речь шла о родившемся в Москве (потому и назван Николем «русским»⁵⁶) Жозефе-Викторе Анри (Henri), который был членом общества взаимного обучения в Париже и возглавлял школу взаимного обучения, организованную в оккупационном корпусе русской армии во Франции. Теперь ему предстояло заниматься организацией взаимного обучения в Ришельевском лицее. Утверждение Анри состоялось на первом заседании правления лицея в конце 1817 г.: он стал надзирателем и учителем начальных классов⁵⁷. Очевидно, предполагаемый приезд нового

⁵¹ Там же. Л. 18.

⁵² Там же. Л. 52 об. 15 марта 1819 г. И.Д. Жаданов стал членом Правления лицея по учебной части, а 1 мая 18120 г. был определен вторым инспектором лицея. – *Михневич И. Г.* Указ. соч. С. 64–65.

⁵³ Там же. Л. 17.

⁵⁴ Там же. Л. 6 об. *Михневич И. Г.* Указ. соч. С. 89.

⁵⁵ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 4 (1818). Л. 6 об.

⁵⁶ В документах, написанных на русском языке, он именуется «Иосиф Францов сын Ганри». Там же. Ф. 44. Оп. 1. № 4 (1818). Л. 50 об.–52.

⁵⁷ Там же. Ф. 44. Оп. 1. № 28 (хоз. часть, 1818). Л. 39; № 38 (1821). Л. 18 об.–19.

преподавателя и предстоящие в связи с этим перемены изрядно нервировали адъюнкта Калиновского, который, как и его коллега Жаданов, считал несправедливым выдвижение «новичков»⁵⁸.

Еще одним «вышедшим из повиновения» был бывший учитель рисования и арифметики в коммерческой гимназии П.Ф. Рыбников⁵⁹. В 1799 г. он поступил в Санкт-Петербургскую академию художеств, где обучался «в особенности портретной живописи». По окончании учебы «от Академии произведен художником с чином XIV класса 1 сентября 1809 г.», а в 1814 г. определен Харьковским университетом (по другим источникам – Академией художеств) учителем рисования в Одесскую коммерческую гимназию, где с ноября 1815 г. преподавал также арифметику. Впоследствии занимал должность второго учителя рисования в лицее⁶⁰. Нам неизвестны конкретные причины недовольства Петра Федоровича (вполне возможно, что они были связаны с его материальными затруднениями). Так или иначе, среди недовольных преподавателей в документах называются адъюнкты, до образования лицея работавшие в учебных заведениях Одессы. Они претендовали на соответствующие места в лицее и не без оснований видели в приглашенных Никодем конкурентов.

Неудачное соискательство

Как же чувствовали себя в совершенно чуждой им среде прибывшие из Европы новички? Обратимся к архивному делу, в котором изложена история одного из них. «Французскоподданный Александр Амвросий Ломонье Деламотт» (**Laumonier de Lamotte**) **прибыл в Одессу** по приглашению Николая в начале 1822 г., чтобы занять место профессора французской словесности и всеобщей истории, причем проезд до Одессы был оплачен «принимающей стороной». Как уже отмечалось, все кандидаты на занимаемую должность должны были сдать экзамен в Харьковском университете. По семейным обстоятельствам Ломонье де Ламотт отсрочил свою поездку в Харьков на несколько месяцев. Он, впрочем, полагал, что предоставление свидетельства Парижской академии и двух сертификатов о его службе в Королевском

⁵⁸ Михневич И.Г. Указ. соч. С. 89.

⁵⁹ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 4 (1818). Л. 21.

⁶⁰ Ленц Н.И. Указ. соч. С. 374. Как сообщает Н.И. Ленц, прибыв в Одессу 1 сентября 1814 г., Рыбников не получил ни обещанной квартиры, ни квартирных денег. Несчастный учитель, оказавшийся с семейством в незнакомом городе без денег и без квартиры, находился в самом отчаянном положении в течение осени–зимы 1814 г. Его обстоятельства немного улучшились, когда он получил также место учителя рисования в Институте (1 февраля 1815 г.). См.: Там же. С. 267.

коллеге Людовика Великого достаточно, чтобы быть допущенным к выполнению функций преподавателя в одесском лицее. Однако его надежды не оправдались, и он должен был в приказном порядке немедленно в десятидневный срок отправиться в Харьков, в противном же случае ему предстояло вернуть денежную сумму в 1200 рублей, выданную ему на проезд из Парижа в Одессу⁶¹.

24 апреля директор лицея одновременно направляет два письма: одно – Ломонье де Ламотту с теми же требованиями о немедленной поездке в Харьков, другое – «в Одесскую Градскую полицию», в коем просит полицию о доставлении сего пакета и о принуждении его к выезду в Харьков для сдачи экзамена или к возврату выданных денег⁶².

3 мая того же года Ломонье де Ламотт пишет письмо директору лицея, где выражает удивление, что последний обратился к нему на языке, познания в котором весьма несовершенны у обоих (Иосиф Алозий Гейнлет, исполнявший эту должность после увольнения Жилле, был уроженцем Лифляндии), то есть по-русски. Недоумение у француза вызвал и способ передачи директорского распоряжения – с полицией! Это, напоминает он, противоречит обычаям «наших стран». Несчастный случай, приключившийся на Пасху, помешал ему до сих пор собраться в дорогу (то есть на испытания в Харьковский университет). К тому же он от кого-то слышал, что еще в 1818 г. вышел указ императора, по которому подобные поездки должны предприниматься только в вакационный период. Но в период экзаменов в университете его могут заставить ждать целый месяц... Так или иначе, в столь сжатые сроки, указанные директором, отправиться в путь невозможно. Ламотт также оспаривает условия предоставления ему ссуды в 1200 рублей. К тому же, речь с предыдущим директором шла о предоставлении жалованья не менее 3000 рублей, что и побудило его оставить прежнее место работы. Ламотт, избравший тактику нападения, а не оправданий, забрасывает директора все новыми вопросами. Будет ли повышено его жалованье? Достаточно ли аккуратно оно будет выплачиваться? Он чувствует себя уверенно и не ожидает негативных последствий от своих действий⁶³.

Следующий документ в деле датирован 19 июня 1822 г. Ломонье де Ламотт сообщает, что уже собрался в Харьков «для выдерживания на предстоящую мне должность экзамена» и просит правление возвратить ему предоставленные вышеупомянутые свидетельства⁶⁴.

⁶¹ Там же. № 40 (1822). Л. 1–1 об.

⁶² Там же. Л. 6–7 об.

⁶³ ГАОО. Ф. 44. Оп. 1. № 40 (1822). Л. 5–5 об.

⁶⁴ Там же. Л. 2.

Очевидно, что в период каникул он не покинул Одессу, потому что 26 августа 1822 г. ему было направлено письмо (опять на русском языке!), содержащее все те же требования, а кроме того – обещание в случае неповиновения «просить содействия у местного начальства»⁶⁵. Ответ Ломонье де Ламотта, адресованный директору лицея, последовал 31 августа. Француз не скрывает своего огорчения: накануне он узнал, что его потенциальный начальник дал разрешение на вмешательство полиции в деле доставки соискателя места лицейского профессора в Харьков на испытания! Он уже готов отправиться туда вместе с другим преподавателем лицея, однако его беспокоят разговоры о том, что курс истории более не будет читаться на французском языке⁶⁶. Нам неизвестно, как долго еще продолжались препирательства с инстанциями Ломонье де Ламотта, столкнувшегося с российскими бюрократическими порядками.

В этом любопытном эпизоде из истории Ришельевского лицея наглядно проявилось неприятие рядовым французом представлений о границах принуждения, применимого по отношению к частному лицу, с которыми он столкнулся в одном из самых «либеральных» городов Российской империи. Ломонье де Ламотт остановился в одной из лучших одесских гостиниц – «Европейской», но даже эта гордая вывеска не спасла от угрозы вмешательства полиции в его частную жизнь. С другой стороны, нельзя не заметить, что поведение соискателя-иностранца в этой истории было далеко не робким.

Несмотря на мытарства, Ломонье де Ламотт все же не покинул Одессу. В архивных документах сохранились свидетельства о проживании в Одессе «французскоподданного Александра де Ламотта» вплоть до 1833 г. Из «Удостоверительного свидетельства» от 28 апреля 1833 г. следует, что все эти годы он занимался «преподаванием французского языка уроков». За него поручились одесские «французы-старожилы», в том числе – знаменитый ресторатор, воспетый А.С. Пушкиным, Цезарь Отон⁶⁷. По свидетельству одесского купца Моисея Гебенштрейна, в доме которого Ломонье де Ламотт проживал пять лет, «во все сие время похождения его были сходны с правилами честности и приличного поведения»⁶⁸. Эти сведения о его «поведении и образе жизни» как лица, желающего заниматься частным преподаванием, были предоставлены в соответствии с Высочайшим указом от 12 июня 1831 г. Ришельевско-

---

⁶⁵ Там же. Л.8.

⁶⁶ Там же. Л.4.

⁶⁷ Там же. Ф. 44. Оп. 1. № 8. Л. 107.

⁶⁸ Там же. Л. 108.

му лицу, правление которого запросило также сведения у одесской городской полиции⁶⁹. Известно, что вплоть до начала 1830-х гг. Ломонье де Ламотт не оставлял надежды пополнить ряды преподавателей Ришельевского лицея, однако, судя по тому, что его имя не фигурирует в опубликованных списках лицейских преподавателей, эти попытки не имели успеха. Он пополнил ряды частных педагогов-репетиторов, обучавших французскому языку молодых одесситов.

* * *

Итак, очевидно, что в 1803–1822 гг. выходцы из Франции играли видную роль в становлении системы образования в Одессе. Кульминацией этого процесса стало создание Ришельевского лицея, что произошло при самом деятельном участии в этом начинании французов – как вдохновителей проекта, так и тех, кто воплощал его на практике. Архивные документы и работы историков XIX – начала XX в. сохранили имена многих педагогов и воспитателей. Однако о происхождении первых преподавателей-французов в Одессе, равно как и о том, каким образом они оказались в этом городе спустя несколько лет после его основания, далеко не всегда имеются достоверные сведения. Можно лишь констатировать, что их состав формировался как из «старых» эмигрантов, так и из специально прибывавших из Франции – по приглашению аббата Николя, причем в обоих случаях среди них присутствовали отставные офицеры. Некоторые становились гувернерами и преподавателями случайно, перепробовав на чужбине самые разнообразные занятия. «Профессиональными» педагогами были немногие, и опытный Николь составлял скорее исключение. Какова была роль гувернеров в становлении системы образования в Одессе? Мы не можем утверждать, что многие преподаватели Ришельевского лицея были ранее гувернерами: достоверно это известно лишь о первых директорах лицея – Николе и Жилле. Однако до того как поступить на службу в лицей, целый ряд преподавателей-выходцев из Франции состоял в штате частных учебных заведений, вроде пансиона Вольсея. Имевшийся у них опыт работы в частном образовании не мог не оказывать воздействие на учебный процесс в первые годы существования лицея. Таким образом, на начальном этапе функционирования Ришельевский лицей можно рассматривать как своеобразный симбиоз частного и государственного учебного заведения.

На протяжении более чем десятилетия центром притяжения французов в Одессе являлся Ришелье, имя и авторитет которого га-

⁶⁹ Там же. Л. 113–113 об.

рантировали его соотечественникам работу и, возможно, успешную карьеру. Французская колония в Одессе, не будучи многочисленной, была весьма влиятельной в эпоху правления Ришелье и Ланжерона.

17 июля 1822 г. вышел указ о замещении графа Ланжерона на посту новороссийского генерал-губернатора на время его пребывания за границей. Спустя несколько месяцев Александр Федорович из газет узнал об указе от 7 мая 1823 г. о своем окончательном увольнении от должности и назначении на нее графа М.С. Воронцова⁷⁰. При Воронцове выходцы из Франции не занимали более в Одессе привилегированного положения, составляя отныне, наряду с немцами, греками, поляками и другими, лишь одну из иностранных общин в портовом городе⁷¹. Убывающие ряды этой колонии на протяжении всего XIX в. пополнялись за счет французов и француженок, прибывавших в город в поисках места гувернера или преподавателя⁷². Впрочем, они все реже занимали вакансии в ведущих учебных заведениях Одессы. Едва ли не единственным французом в Ришельевском лицее в последние годы его существования был Альфонс Карлович Шапеллон, преподаватель французского языка и литературы, поэт-графоман⁷³. Французская «Одессада» – именно так называлась одна из поэм А. Шапеллона – шла к своему завершению.

---

⁷⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 220. № 4; Одесский историко-краеведческий музей. Д. 684. Л. 167–169, 173.

⁷¹ Яковлев В.А. Кое-что об иноплемениках в истории г. Одессы // Из прошлого Одессы. С. 372–393.

⁷² См.: *Herlihy P.* Odessa: A History, 1794-1914. Cambridge, 1986. P. 260.

⁷³ Сын А.К. Шапеллона – Август Альфонсович – преподавал французский язык в средних учебных заведениях города и в Новороссийском университете.